

СОЦИОЛОГИЯ

ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

© 2008 г. О.С. Чернявская

Нижегородский филиал государственного университета Высшая Школа Экономики

Chernyavskaya-OS@yandex.ru

Поступила в редакцию

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена обзору представлений о социальном пространстве в социологической теории. Ориентируясь на работы авторов, уделявших особое внимание данному вопросу, рассматривается многообразие теоретических трактовок и инструментального использования категории пространства в социологии. Акцент сделан на рассмотрении категории пространства в рамках социологии города. Материал систематизируется на основе разделения всех интерпретаций на три аспекта: 1. пространство взаимодействия социальных акторов; 2. пространство дистанций в соответствии с социальной структурой; 3. связь физического пространства с его социальными смыслами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальное пространство, городское пространство, взаимодействие, социальная структура, освоенность пространства.

Все существующее имеет пространственно-временные характеристики, будучи определенным ими и, в то же время, определяя их. Такая широта, универсальность применимости категорий пространства и времени делает их привлекательными в качестве объекта исследования. Если временные параметры явлений, в конечном счете, сводимы к истории, то пространственные – к географии, размещению. В жизни XXI века, наибольший интерес в качестве пространства приобретает город (если говорить о реальном физическом пространстве, в котором мы живем). При этом интересным представляется как обыденная социальная урбанистическая география, так и её изменение в периоды проведения городских праздников, когда знакомое горожанам пространство перекраивается, применяется и воспринимается необычным образом. Даная проблематика представляет большой интерес. Но, уже написав предыдущие строки, мы несколько раз употребили термин «социальное пространство» в разных смыслах.

Обращаясь к социологии города необходимо в первую очередь обратиться к социологической категории «социальное пространство». В социологической теории эти тематики тесно связаны.

Пространственные характеристики социальных явлений далеко не всегда становились специальным предметом изучения исследователей, но, так или иначе, и классики науки, и современные исследователи принимали пространство как контекст социальной реальности, по-своему решая, какое именно определение пространства

целесообразно и применимо в рамках их теоретических изысканий. Кроме того, чаще всего в работах можно встретить несколько толкований пространства. Тем не менее, для специального изучения социального пространства необходимо различать, в каких значениях оно может быть использовано, выделить более или менее отдельные подходы, поскольку то, что подразумевается под словами «пространство», «дистанция», «ближе» и т.п., в зависимости от подхода будет существенно различаться. Вслед за А.Ф.Филипповым [1], мы будем различать три аспекта:

1. Пространство взаимодействия социальных акторов. Принимается во внимание значение близости/удаленности акторов друг от друга для самого процесса взаимодействия. Значение придается: а) тому, как исследователь видит пространство, б) каково социальное значение пространства, не рефлексивное участниками, но принципиально важное для них, в) какое значение пространственным характеристикам взаимодействия придают сами участники: как пространство осознается и обсуждается ими.

2. Социальное пространство как порядок социальных позиций, метафорическое пространство, структурируемое статусами социальных акторов.

3. Пространство как нечто обозримое, место расположения тел, вместительность мест.

В силу отсутствия широкого внимания специально к этому понятию, социологи нередко не разводят различные аспекты пространственных характеристик социальной реальности, используя каждый раз категорию *ad hoc*. Работа по систематизации представлений о категории социального пространства требует самостоятельного выделения фрагментов текстов авторов, прямо или косвенно демонстрирующих позицию того или иного исследователя.

Часто происходит именно соотнесение различных аспектов пространства между собой, например, в случаях, когда размещение слоев населения с различными социально-экономическими статусами связывают с образованием и закреплением за ними собственных территорий поселения, пространство как место соотносится со смыслами, которые оно обретает благодаря акторам в процессе взаимодействия.

Если ориентироваться на хронологию развития идей, связанных с социальным пространством, видно, что изначально категория принимается в максимально близком к физическому, географическому значению – как место размещения социальных групп и место свершения социально значимых событий.

В первую очередь, здесь отмечают замечания о социальном пространстве, сделанные Э.Дюркгеймом в работе «Метод социологии» [2] и сосредоточенные в идее «социальной морфологии». Этот раздел социологии, по замыслу классика, должен изучать географическую основу жизни народов в ее связи с социальной организацией, а также

исследовать народонаселение, его объем, плотность, размещение на территории. Общество «выступает как состоящее из массы людей, обладающей известной плотностью, расположенной на территории определенным образом, рассеянной по деревням или сконцентрированной в городах и т. д.; она занимает более или менее обширную территорию, расположенную тем или иным образом по отношению к морям и территориям соседних народов, в большей или меньшей степени пересекаемую реками, всякого рода путями сообщения, которые более или менее тесно связывают между собой ее обитателей» [2, с. 276]. Все эти условия, характеристики территории, включая географические факторы, составляют внутреннюю социальную среду, изучать которую можно, ориентируясь на два параметра – величина общества и плотность. Плотность в свою очередь определяется числом индивидов, общающихся между собой и живущих «общей жизнью». Таким образом, социальное пространство выступает как место функционирования социальных акторов (индивидуальных и коллективных), границы определяются включенностью проживающих на территории в «общую жизнь». Точной дефиниции последняя в работах классика не получает и отдается на откуп интуитивного толкования. Характеристики пространства, с одной стороны, являются условиями жизни его обитателей, а с другой стороны, определяются этими обитателями: их числом и интенсивностью связей.

В своей работе «Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии». Э. Дюркгейм снова обращается к социальному аспекту пространства, и на этот раз речь идет о восприятии физического пространства людьми: «...пространственным сферам были приписаны различные эмоциональные ценности. А поскольку все – люди одной и той же цивилизации представляют себе пространство одинаковым образом, нужно, очевидно, чтобы эти эмоциональные ценности и зависящие от них различия также были общими для них, что почти с необходимостью предполагает их социальное происхождение» [3, с. 188]. Изначально нейтральная реальность обрывает особым значением для взаимодействия людей благодаря культурно разделяемым смыслам, приписываемым физическому пространству. Каждая другая группа по-своему будет структурировать одно и то же пространство, если у неё окажется возможность овладеть им, и это структурирование будет связано с элементами её культуры, например, с религиозными верованиями.

Подобным же образом – в качестве локализации социальных групп или местом реализации конкретных социальных практик – пространство выступает для М.Вебера [4]. Само слово «пространство», «дистанция», «локализация» и т.п. в работе не встречаются. Присутствует слово «место», например, «место, где существует рынок» или «место пребывания гарнизона» [4, с. 10]. Само по себе оно не имеет значения иного, кроме как

географического расположения. Оно социально потому, что известна связь определенных социальных практик и данного места.

Важнейший вклад М.Вебера в развитие теории социального пространства состоит собственно в обращении к форме совместного жительства – городу как объекту исследования. Он сосредоточивает внимание на описании функций, которые с необходимостью выполняются в границах известного пространства, именуемого городом. Социология поселений традиционно самым тесным образом связывается с социологией и философией пространства.

Другим классиком социологической науки, с именем которого ассоциируют развитие теории социального пространства, является Г. Зиммель. Пространство для него неотделимо от социальной группы, проживающей на данной территории с её культурой, особенностями жизни. Зиммель вводит понятие «исключительность пространства» [1], имея в виду, что каждая часть его уникальна и нет тождественных объектов уже потому, что каждый из них локализован в отличной от другого точке пространства. Пространство неразрывно связано с процессом и формами обобществления. Так, каждый человек заполняет пространство, центрированное относительно него «своей субстанцией, своей деятельностью» [1], а взаимодействие между людьми есть также заполнение пространства, «оживотворение» его.

Образование, развитие и функционирование города подчиняется общим тенденциям взаимодействия, где первая стадия: относительно небольшой круг, резко ограничившийся от соседних, чужих или враждебных кругов, но зато теснее сомкнувшийся в самом себе [5]. Речь о пространстве не идет в отрыве от людей, которые его занимают, социальное пространство – место взаимодействия людей, не отделимое от этого взаимодействия. Отсюда вытекает и способ определения границ – наиболее существенны границы взаимодействий и воздействий, снова пространство поселения описывается по аналогии с личным пространством человека: «Самое существенное значение большого города заключается в его функциональном значении за пределами его физических границ... Как человек не исчерпан пределами его тела или области, которую он непосредственно заполняет своей деятельностью, но лишь суммой влияния, которое он оказывает во времени и в пространстве, — так и город равен совокупности оказанного им за его ближайшими пределами влияния. Это только и есть его настоящий объем, в котором выражается его бытие» [5]. Формально определенные границы локализации, на которые в первую очередь ориентируются Дюркгейм или Вебер, отходят здесь на второй план. Они могут совпадать с реальными, и для Зиммеля примером является государственность, но могут оставаться не более чем чертой на карте,

как, например, в случае с городом, или вовсе не иметь очевидного физического выражения, если речь идет о собственном пространстве конкретного социального актора.

Архитектура города также воспринимается исследователем в неперенной взаимосвязи с характерами людей города [6] как характеристика места, где они живут (при этом сложно понять, что является обуславливающим фактором, а что – следствием).

Другой важной страницей в развитии идеи социального пространства, безусловно, выступает социальная стратификация П. Сорокина. В работе «Социальная стратификация и мобильность» он определяет пространство как «народонаселение Земли» [7], но важнее даже другое определение в контексте идеи социального пространства: «Социальное положение – совокупность связей его [индивида] со всеми группами населения, внутри каждой из этих групп, т.е. с её членами» [7, с. 298-299]. В данном случае речь идет о пространстве как о порядке социальных позиций. Оно иерархично и имеет свое графическое изображение. Каждый индивид может быть определен как точка, имеющая определенное удаление от другого индивида на этой схеме.

Представители Чикагской школы подходят к изучению пространства с традиционным акцентом на эмпирических исследованиях. В пространственном размещении населения (в первую очередь, городского) они видят материальное выражение, индикатор социальных тенденций, структур, отношений. Изучаются закономерности, взаимосвязи изменения пространственных и социальных характеристик расселения людей. Так, Э. Богардус разрабатывает собственный метод для измерения социальной дистанции [см, например, 8], на которой члены одной группы держат представителей другой – имея в виду как буквально физическую дистанцию (соседство по улице, стране), так и психологическая готовность сократить дистанцию до родственной связей по свойству.

Э. Берджес, Р. Парк широко известны как исследователи городского сообщества. Проводя аналогию между социальным сообществом и сообществом растений, исследователи развивают идею городской экологии, призванную изучать взаимосвязи между общностями людей, их размещение в границах города. Здесь же в рамках изучения социального пространства применяется метод, впоследствии получивший широкое распространение – выделение специфических зон поселения: описание причин, истории его сепарации, функциональное значение и описание существенных характеристик населения, локализуемого на нем.

Широкую известность получил драматургический подход И. Гофмана [9], который тесно связан со структурированием пространства социальных практик с выделением авансены и закулисной зоны взаимодействия.

Другая концепция, ориентированная на анализ взаимодействия и использующая категорию социального пространства, – социометрия Я.Л. Морено: «Социометрия занимается внутренней структурой общественных групп, которую можно сравнить со строением атома или физиологической структурой клетки» [10, с. 55]. Он вводит понятие *социальный атом*. Это основная и наиболее ценная, значимая характеристика социального окружения человека. В социальном атоме выделяются зоны, представленные в виде концентрических кругов от изучаемого индивида, в которых располагаются различные социальные акторы, связанные с ним. Таким образом, благодаря заданным параметрам расположения в том или другом кругу определяется дистанция той или иной социальной связи.

Для существенной части работ социологов можно говорить о сосредоточении на микро- или макроуровне анализа социальной реальности и соответствующем способе применения категории социального пространства в теориях. Таким образом, карта пространства выстраивается либо относительно индивидуального актора, либо относительно социальной структуры. Для второй половины XX века свойственен отказ от такого четкого разделения и попытки преодолеть границы макро- и микроподходов.

С развитием средств электронной связи физическое пространство перестает быть обязательным контекстом коммуникации. Для М. Кастельса значение обретает пространство потоков, обменов: экономических, информационных [11]. Оно структурируется взаимодействиями между индивидуальными и коллективными акторами. Каждое взаимодействие целенаправленно, потому может быть тематизировано или аналитически расчленено на определенные аспекты. Карта для него демонстрирует потоки: места их выходов и входов, пересечения, узловые центры. Значение пространства для Кастельса огромно, оно есть контекст всех событий, является «материальной опорой социальных практик разделения времени».

П. Бурдьё говорит о пространстве полей: «Структура социального пространства определяется в каждый момент структурой распределения капитала и прибыли, специфического для каждого отдельного поля» [12, с. 31]. Географическое и социальное пространства никогда не совпадают полностью, однако, как отмечает ученый, эффекты, характерные для первого, например, выделение центра и периферии, можно действительно назвать дистанцией в социальном пространстве, так как это связано с различием в распределении различных видов капитала. Кроме того, Бурдьё говорит о пространстве и как о статусной структуре, подчеркивая, что любое общество неизбежно иерархизировано, что приводит к отражению в физическом пространстве: «Социальное пространство – не

физическое пространство, но оно стремится реализоваться в нем более или менее полно и точно» [13, с. 53].

Э. Гидденс, разрабатывая теорию структуризации, отводит категории пространства роль контекстуализации действия: он вводит два понятия – «место действия» и «наличие-присутствие», что «подразумевает использование пространства с целью обеспечения *среды протекания* взаимодействия» [14, с. 185]. При этом контекстуальные свойства среда приобретает только благодаря тем смыслам, которые присваивают ей социальные акторы. Анализируя общепринятые социальные практики с точки зрения их распределения во времени-пространстве, Гидденс предлагает районировать социальное пространство, предлагая модели регионализации. Предполагается, что зоны, на которое распадается пространство посредством такого деления, имеют свои физически или символически проявленные границы. Зоны могут проникать друг в друга, что особенно вероятно при взаимодействии «лицом к лицу».

Отвергая принципиальное деление социальной реальности на макро- и микросферы, Гидденс подвергает анализу пространство-время для описания как «освоения» пространства ночных городов благодаря широкой электрификации, так и переднего и заднего плана в процессе взаимодействия акторов и даже упоминая регионализацию тела.

П. Бурдье в работе «Социальное пространство и символическая власть» пишет о преимуществах структурализма над интеракционистским (и этнометодологическим) подходом для адекватного анализа социального пространства с точки зрения системы статусных позиций. Аргументом выступает то замечание, что ситуация взаимодействия лицом к лицу может создавать иллюзию близости даже в тех случаях, когда статусная дистанция велика.

Однако тут же очевидным становится необходимость придерживаться единой позиции для последовательных рассуждений: необходимо решить, что же выступает отправной точкой – ситуация взаимодействия или социальная структура, другими словами, важнее ли для анализа система формальных статусных предписаний или реальных взаимоотношений между акторами? Интерес и к тому, и к другому оправдан, и важны результаты, но смешивать эти две парадигмы для одной линии рассуждений не представляется конструктивным. С одной стороны, интеракционизм не способен, именно потому что и не призван, делать обобщения относительно жизни больших общностей, с другой стороны, для изучения индивидуального взаимодействия не применим структурализм. В любом случае, изучение ситуации взаимодействия «лицом-к-лицу» не может быть описана исключительно в терминах статусной структуры. Здесь неминуемо будет присутствовать аспект непосредственного межличностного взаимодействия:

«личность-личность» помимо «статус-статус». «Господин и его слуга могут находиться рядом в геометрическом пространстве, но велика социальная пропасть между ними» [15, с. 285]. При этом, если они не просто расположены рядом, но вступают во взаимодействие, расстояние между ними определяется отнюдь не только социальными позициями, иначе мы бы не знали примеров дружеских, даже близких отношений между господами и слугами; неизбежная неформальная составляющая отношений, проявляющаяся в процессе интеракции, была бы необъяснима, если бы мы ориентировались исключительно на статусную дистанцию для анализа непосредственного общения между людьми.

Гораздо более убедительной, чем у П. Бурдьё, выглядит попытка преодоления противоречия макро/микро у Э. Гидденса, сводящаяся к непрекращающемуся взаимоформированию индивидуальных и общественных структур в рамках теории структуриации.

Стоит отметить, что подходы к изучению социального пространства последних двух авторов весьма многообразны в силу того, что имеют своей задачей систематизировать все те знания, которые имеют отношение к данному вопросу: обзор трудов и соответствующая критика многих авторов у Гидденса и специально данной тематике посвященная работа Бурдьё.

Отдельно можно говорить о теме деформации пространства посредством технических средств коммуникации. Например, значение СМИ у Р. Парка [16, с. 140], которое, по его мнению, состоит в создании условий для расширения (границ и плотности) поселений, в частности, городов. Или же потоки информации, передаваемой посредством электронных средств связи, которые организуют сеть различного рода взаимодействий в теории М. Кастельса.

В работах многих авторов можно встретить упоминание категории пространства, но здесь представлены авторы, наиболее предметно развивавшие данную тематику и применявшие данное понятие для анализа социальной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филиппов А.Ф. Элементарная социология пространства [Текст] // Социологический журн. 1995. №1. С. 45–69.
2. Дюркгейм Э. Социология и социальные науки // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М: Канон, 1995. 350 с.
3. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии. // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М.: Канон+, 1998. 432 с.
4. Вебер М. Город // Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 704 с.
5. Зиммель Г. Большие горда и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3-4. <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html>
6. Зиммель Г. Венеция // Логос. 2002. № 3-4. <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zimven.html>
7. Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 295-425.
8. Головаха Е.И. Национальная толерантность и идентичность в Украине: опыт применения шкалы социальной дистанции в мониторинговом социологическом исследовании // Социологический журнал, 2006. № 3-4.
9. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. 304 с.
10. Морено Я.Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. М.: Академический проект, 2001. 384 с.
11. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 608 с.
12. Бурдые П. Социальное пространство и генезис классов // Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб Алтай, 2007. С. 14-49.
13. Бурдые П. Физическое и социальное пространства // Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб Алтай, 2007. С. 49-64.
14. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2003. 528 с.
15. Бекарев А.М. Социальное пространство и время: анализ деконструкции / А.М. Бекарев // Вестник Нижегородского Университета, 2007. - № 6. С. 282-287.

16. Парк Р.Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. М., 2000. № 3. С. 136–150.
17. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб Алтейя, 2007. С. 64-87.
18. Зиммель Г. Флоренция // Логос. 2002. № 3-4.
<http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zimmflor.html>
19. Парк Р.Э. Социология, сообщество и общество (фрагменты) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. М., 2000. № 3. С. 150–161.
20. Парк Р.Э. Понятие социальной дистанции (в применении к исследованию расовых установок и расовых отношений) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. М., 1998. № 2. С. 192–197.
21. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 494-526.
22. Филиппов А.Ф. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы [Текст] // Логос. 2000. №2. С. 113–151.

LITERATURE

1. Filippov A.F. Jelementarnaja sociologija prostranstva [Tekst] // Sociologicheskij zhurn. 1995. №1. S. 45–69.
2. Djurkgejm Je. Sociologija i social'nye nauki //Djurkgejm Je. Sociologija. Ee predmet, metod, prednaznachenie. M: Kanon, 1995. 350 s.
3. Djurkgejm Je. Jelementarnye formy religioznoj zhizni. Totemicheskaja sistema v Avstralii. // Mistika. Religija. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedenija. Antologija. M.: Kanon+, 1998. 432 s.
4. Veber M. Gorod // Izbrannoe. Obraz obwestva. M.: Jurist#, 1994. 704 s.
5. Zimmel' G. Bol'shie gorda i duhovnaja zhizn' // Logos. 2002. № 3-4. <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html>
6. Zimmel' G. Venecija // Logos. 2002. № 3-4. <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zimven.html>
7. Sorokin P.A. Social'naja stratifikacija i mobil'nost' // Chelovek. Civilizacija. Obwestvo. M.: Politizdat, 1992. S. 295-425.
8. Golovaha E.I. Nacional'naja tolerantnost' i identichnost' v Ukraine: opyt primenenija shkaly social'noj distancii v monitoringovom sociologicheskom issledovanii // Sociologicheskij zhurnal, 2006. № 3-4.
9. Gofman I. Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoj zhizni. M.: «KANON-press-C», «Kuchkovo pole», 2000. 304 s.
10. Moreno Ja.L. Sociometrija: Jeksperimental'nyj metod i nauka ob obwestve. M.: Akademicheskij proekt, 2001. 384 s.
11. Kastel's M. Informacionnaja jepoha: jekonomika, obwestvo i kul'tura. M.: GU-VShJe, 2000. 608 s.
12. Burd'e P. Social'noe prostranstvo i genezis klassov // Sociologija social'nogo prostranstva. M.: Institut jeksperimental'noj sociologii; SPb Altejsa, 2007. S. 14-49.
13. Burd'e P. Fizicheskoe i social'noe prostranstva // Sociologija social'nogo prostranstva. M.: Institut jeksperimental'noj sociologii; SPb Altejsa, 2007. S. 49-64.
14. Giddens Je. Ustroenie obwestva: Ocherk teorii strukturacii. M.: Akademicheskij proekt, 2003. 528 s.
15. Bekarev A.M. Social'noe prostranstvo i vremja: analiz dekonstrukcii / A.M. Bekarev // Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta, 2007. - № 6. S. 282-287.
16. Park R.Je. Gorodskoe soobwestvo kak prostranstvennaja konfiguracija i moral'nyj porjadok // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 11. Sociologija: RZh / RAN. INION. M., 2000. № 3. S. 136–150.

17. Burd'e P. Social'noe prostranstvo i simvolicheskaja vlast' // Sociologija social'nogo prostranstva. M.: Institut jeksperimental'noj sociologii; SPb Altejjja, 2007. S. 64-87.
18. Zimmel' G. Florencija // Logos. 2002. № 3-4.
<http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zimmflor.html>
19. Park R.Je. Sociologija, soobwestvo i obwestvo (fragmenty) // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 11. Sociologija: RZh / RAN. INION. M., 2000. № 3. S. 150–161.
20. Park R.Je. Ponjatie social'noj distancii (v primenenii k issledovaniju rasovyh ustanovok i rasovyh otnoshenij) // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 11. Sociologija: RZh / RAN. INION. M., 1998. № 2. S. 192–197.
21. Parsons T. Ponjatie obwestva: komponenty i ih vzaimootnoshenija // Amerikanskaja sociologicheskaja mysl'. M., 1996. S. 494-526.
22. Filippov A.F. Sociologija prostranstva: obwij zamysel i klassicheskaja razrabotka problemy [Tekst] // Logos. 2000. №2. S. 113–151.